УДК 81’25
DOI 10.17223/18137083/58/18

В. Н. Карпухина

Алтайский государственный университет, Барнаул

Ключевые лингвоаксиологические макростратегии перевода романа Б. Акунина «Азазель» на английский язык

Статья посвящена лингвоаксиологическому выбору макростратегий при переводе русского постмодернистского художественного текста на английский язык. Материал исследования – роман Б. Акунина «Азазель» и его перевод на английский язык, выполненный Э. Бромфильдом («The Winter Queen»). Основная задача статьи – выявление ключевых и вспомогательных макростратегий перевода, рассматриваемых в лингвоаксиологическом аспекте. Максимально эффективной при передаче русского художественного текста на английский язык оказывается макростратегия адаптации текста. Биполярность данной макростратегии (адаптация / остранение) обусловлена необходимостью для переводчика либо полной аккультурации текста оригинала в культуру языка перевода, либо, наоборот, достижения эффекта «инокультурности» переводимого текста. При передаче романа «Азазель» на английский язык Эндрю Бромфильд в основном использует лингвоаксиологическую макростратегию адаптации текста (адаптированными оказываются имена собственные и культурно-исторические реалии акунинского произведения). В качестве вспомогательной адаптационной стратегии используется стратегия модернизации текста. В ситуациях фактических ошибок, допущенных автором, переводчик использует прием элиминации текстового фрагмента, обеспечивая читателю перевода возможность обращения к точной информации, связанной с культурно-историческими реалиями конца XIX – начала XX в.

Ключевые слова: лингвоаксиологические макростратегии, адаптация, модернизация, текст, перевод.

Объект исследования в данной статье – постмодернистский художественный текст и его перевод, предмет – лингвоаксиологические макростратегии, используемые переводчиком при передаче текста с русского языка на английский. В качестве материала исследования выступает роман Б. Акунина «Азазель» и его перевод на английский язык, выполненный Э. Бромфильдом. Основной задачей

Карпухина Виктория Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры германского языкознания и иностранных языков факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета (ул. Димитрова, 66, Барнаул, 656049, Россия; vkarpuhina@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2017. № 1
© В. Н. Карпухина, 2017

статьи является определение ключевых и вспомогательных макростратегий перевода, рассматриваемых в лингвоаксиологическом аспекте.

Переводчиком многих текстов Бориса Акунина на английский язык выступает Эндрю Бромфильд – основатель журнала «Glas», популяризирующего русскую литературу в англоязычных странах. Э. Бромфильд с разной степенью адекватности переводит на английский язык тексты как классической русской литературы (А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, М. А. Булгакова), так и тексты модернистской и постмодернистской литературы (Виктора Пелевина, Бориса Акунина, Владимира Войновича, Сергея Лукьяненко, братьев Стругацких, Даниила Хармса, Генриха Сапгира, Нодара Думбадзе). Главной лингвоаксиологической макростратегией Бромфильда в ситуациях перевода классических и современных русскоязычных текстов является макростратегия адаптации текста. С нашей точки зрения, именно применение данной макростратегии перевода позволяет Бромфильду оставаться одним из наиболее узнаваемых и востребованных переводчиков русской литературы на Западе.

Лингвоаксиологическая макростратегия адаптации выявляет возможности варьирования при межъязыковой коммуникации семантической категории пространства (как текстового, так и культурного). Биполярность данной макростратегии (адаптация / остранение) обусловлена необходимостью для переводчика либо полной аккультурации текста оригинала в культуру языка перевода, либо, наоборот, достижения эффекта «инокультурности» переводимого текста [Карпухина, 2013]. Адаптация текста понимается как «перемещение текста оригинала на другую территорию (reterritorialization, annexation) или же “натурализация” текста перевода, направленная на естественное восприятие текста перевода в условиях другого языка и другой культуры» [Routledge Encyclopedia…, 1998, p. 6] (перевод наш. – *В. К.*). Определяя адаптацию текста оригинала как «одомашнивание» (domesticating) [Эко, 2006, с. 205], У. Эко не случайно называет ее «локализацией», то есть переводческой макростратегией максимального приближения текста оригинала к языку и культуре перевода.

Адаптационная макростратегия, используемая Бромфильдом при переводе русских художественных текстов на английский язык, позволяет ему варьировать даже названия переводимых произведений, предлагая западному читателю как адекватные переводческие версии заголовочных комплексов акунинских романов («Смерть Ахиллеса» – «The Death of Achilles», «Алмазная колесница» – «The Diamond Chariot»), так и весьма вольные интерпретации, связанные с текстом лишь сюжетно («Азазель» – «The Winter Queen»).

Связь с сюжетом романа «Азазель» у англоязычного заголовочного комплекса наблюдается на уровне выражения локуса основного места действия (отель «Winter Queen», в котором в Лондоне якобы обитает «роковая красавица» Амалия Бежецкая (Акунин, 2001, с. 142)). С другой стороны, ассоциация «Зимней королевы» (именно так в русском тексте чаще всего именуется отель) со Снежной Королевой совершенно прозрачна, и данная метафорическая ассоциация связана прежде всего с главной отрицательной героиней романа – леди Эстер. Сказочная ассоциация с текстом Андерсена в английском тексте романа усиливается многократно, будучи связанной с заголовочным комплексом всей книги. Данная ассоциация подкрепляется переводческим решением Бромфильда передать имя леди Эстер не как *Esther*, а как *Astair*, которое соотносится с именем богини Астарты (Astarte).

Передача остальных ключевых имен собственных в переводе романа «Азазель» на английский язык тоже производится чаще всего с использованием адаптационной макростратегии. В качестве абсолютной приоритетной макростратегии автора художественного текста выступает маркирование принадлежности своего текста к миру своего языка, своей культуры, определенным образом отраженных в универсуме условного мира текста. В неадаптированном тексте перевода субъ-

ект-переводчик использует абсолютную приоритетную макростратегию передачи маркеров иноязычного культурного пространства с помощью транскрипции или транслитерации, сохраняя тем самым «непроницаемость» внутренней формы знаков семиосферы иной культуры.

Например, при переводе на английский язык романа «Азазель» Э. Бромфильд передает с помощью транскрипции актанты-локативы, воплощающие московские топонимы (*Neglinnaya Street*, *Alexander Gardens*, *Mokhovaya Street*, *Shvivaya Hill*) и наименования актантов-субъектов (*Erast Petrovich Fandorin*, *Nikolai Stepanich Akhtyrtsev*, *Orest Kirillovich*), однако при передаче последних наблюдаются элементы применения адаптационной макростратегии. Достаточно редко, в отличие от текста оригинала, главный персонаж именуется в тексте перевода в соответствии с традицией русской культуры, по имени и отчеству. Переводчик избирает прагматически обусловленный прием именования его «по западному образцу» – *Erast Fandorin* / *young Mr. Fandorin*: *Раз уж речь зашла о ресницах, уместно будет описать внешность* ***Эраста Петровича*** *поподробнее* (Акунин, 2001, с. 12) – *While we are on the subject of eyelashes, it would seem appropriate at this point to describe* ***Erast Fandorin's*** *appearance in somewhat greater detail* (Akunin, 2004, p. 5); ***Эраст Петрович*** *кивнул* (Акунин, 2001, с. 18) – ***Erast Fandorin*** *simply nodded* (Akunin, 2004, p. 7); *Вот что,* ***Эраст Петрович****, не в службу, а в дружбу, слетайте-ка к ним на Моховую* (Акунин, 2001, с. 12) – *I'll tell you what,* ***young Mr. Fandorin****, as a personal favor to me, get yourself smartly across there to Mokhovaya Street* (Akunin, 2004, p. 7).

Авторские аксиологические коды предполагают определение репертуара основных значимых признаков текстов и ценностей, которые связаны с данными значимыми признаками. Релевантные для того или иного автора аксиогенные ситуации определяются как ценностно мотивированные или ценностнопорождающие «осмысленные положения дел, имеющие место в объективной и субъективной реальности и являющиеся фактурой картины мира» [Карасик, 2014, с. 6]. Выявление этих аксиогенных ситуаций, задающих границы в том числе и негативной поэтики автора («круг явлений мира и речевых средств, который в данной системе принципиально недопустим» [Фарино, 2004, с. 49]), дает возможность оценить смену или релятивность аксиологических приоритетов художественного мира текста. В ситуации перевода текста на иной язык возможна смена маркеров аксиогенных ситуаций текста. Прагматически обусловленное именование главного героя романа «Азазель» по имени и отчеству (*Эраст Петрович*) определяет его в ряд персонажей, к которым нарратор «Азазеля» относится с симпатией, уважением и мягкой иронией (ирония в данном случае связана с юным возрастом героя). Аксиогенная ситуация традиционного англоязычного именования героя по имени и фамилии *Erast Fandorin* или с добавлением статусного прилагательного *young Fandorin* снимает положительные коннотации русскоязычного текста, связанные с данным персонажем, или нейтрализует их.

Англизации (или, вернее, офранцуживанию) подвергается имя одного из основных персонажей текста оригинала – *Ксаверия Феофилактовича Грушина*, который на протяжении всего текста романа именуется *Xavier Grushin*, при этом имя старого следственного пристава Сыскного управления при московском обер-полицеймейстере в английском тексте создает неверное представление о возрастных и социальных характеристиках персонажа. Подобная переводческая трансформация так же, как и в предыдущем случае, меняет некоторые условия аксиогенной ситуации именования героя.

В некоторых ситуациях переводчик использует прагматически обусловленный прием «усиления идентификации» персонажа за счет намеренного повторения его полного имени и фамилии: *Лизанька (так про себя уже называл* ***Елизавету Александровну*** *стремительно гибнущий Фандорин)…* (Акунин, 2001, с. 49) – *Li-*

zanka (the affectionate name by which Fandorin, now hopelessly lost, was already thinking of ***Elizaveta Evert-Kolokoltseva****)…* (Akunin, 2004, p. 20). Данные элементы макростратегии адаптации применяются переводчиком фрагментарно, поскольку непереводная передача топонимов, антропонимов и иных знаков пространства русской культуры предполагается в качестве пресуппозиции передачи на другой язык текста художественной литературы, ориентированного на взрослую аудиторию.

В некоторых случаях Э. Бромфильд применяет в качестве приема адаптации текста перевода прием элиминации информации текста оригинала. Например, если в тексте оригинала наблюдаются ошибки в передаче исторических реалий, Бромфильд тактично элиминирует ошибочный авторский фрагмент текста, оставляя в тексте перевода только корректную информацию: *– Да, я умею понимать чин, – кивнула немка, показывая пальцем* ***на петлицу его вицмундира****. – Итак, господин коллежский регистратор, я вас слушаю* (Акунин, 2001, с. 47) – *«Yes, I know how to understand rank,» the German woman said with a nod, pointing* ***to the lapel of his uniform jacket****. «Zo, mister collegiate registrar, I am listening»* (Akunin, 2004, p. 19). Вицмундиром назывался форменный фрак гражданских чиновников, который отличался от парадного мундира отсутствием на воротнике и обшлагах шитья или галунных петлиц. Переводчик элиминирует фрагмент акунинского текста с фактической ошибкой, связанной с исторической реалией (*показывая пальцем на* ***петлицу*** *его вицмундира*), и дает только общую информацию: *pointing to* ***the lapel*** *of his uniform jacket* ‘указывая на **отворот** его форменного мундира’. Вольность переводчика в данном случае прагматически обусловлена: фактическая ошибка, допущенная в тексте оригинала автором, не переходит в текст перевода, адаптируя его для восприятия носителями иного языка уже в исторически корректной версии.

В качестве вспомогательной стратегии для макростратегии адаптации текста Бромфильд достаточно часто использует стратегию модернизации. Стратегия модернизации текста представляет собой «придание тексту или отдельным его местам современной окраски, мотивированной или немотивированной» [Федоров, 1968, с. 370]. При переводе данная макростратегия может реализовываться таким же способом, как и макростратегия архаизации, – за счет вербализации определенных компонентов пропозициональной структуры с помощью лексем более современного языка, чем язык текста оригинала. В этом случае появление в тексте перевода элементов современной разговорной речи или современного сленга может противоречить концептуальному замыслу автора текста оригинала.

Например, переводя на английский язык роман «Азазель», Эндрю Бромфильд часто использует при вербализации пропозициональных элементов текста оригинала, связанных с указанием на место действия, современные сленговые слова и выражения: *«Тут “Крым” близко, – сообразил Ахтырцев. – ...****Вертеп****, конечно, но вина приличные»* (Акунин, 2001, с. 75) – *«The Crimea’s not far from here,» Akhtyrtsev recalled. «It’s a filthy* ***dive****, of course, but they do have decent wines»* (Akunin, 2004, p. 30). Сленговая лексема *dive* значительно отличается по своей временно́й характеристике употребления от намеренно архаизированной автором русского текста лексемы *вертеп* ‘злачное место’. Находясь в сильной предикативной позиции, данная лексема, выбранная переводчиком в процессе вербализации смыслов, практически полностью меняет временну́ю отнесенность происходящих в условном мире текста событий.

Неизбежное появление в тексте переводимого на английский язык романа большого количества современных разговорных выражений приводит переводчика к употреблению аббревиатур, составляющих отдельные свернутые пропозициональные структуры: *«Не угодно ли* ***под должок****?»* (Акунин, 2001, с. 127) – *«Would you perhaps care to continue against an* ***IOU****?»* (Akunin, 2004, p. 51). Об-

стоятельство образа действия заменяется при переводе свернутой пропозицией *I owe you* ‘я вам должен’, сокращенной в разговорной речи до аббревиатуры *IOU*. В результате переводчик достигает, скорее, комического эффекта чрезмерно модернизированного текста, нежели эффекта архаизации, который выступает в качестве основного эффекта при анализе макростратегий текстопорождения автора оригинального текста, Б. Акунина.

Коммуникативное пространство текста «Азазеля» многоязычно. Использование коммуникативных фрагментов разных языков маркирует национальную принадлежность персонажа, отмечает границы национально-культурного пространства в тексте. В дискурсы персонажей «Азазеля» входят коммуникативные фрагменты (не равные идиомам или клише) на иностранных языках. Данные иноязычные коммуникативные фрагменты в дискурсах персонажей могут интерпретироваться как текстовые средства, позволяющие автору задать определенные когнитивные характеристики персонажей, реконструируемые интерпретатором.

Эти когнитивные характеристики помогают разграничить разные национально-культурные пласты языковой материи как в общерусском языковом типе, т. е. на семантическом уровне структуры текстовой личности, так и на высшем, мотивационном уровне ее структуры, определяющем национально-культурную мотивированность речевого поведения [Караулов, 2002, с. 42]. Иноязычные коммуникативные фрагменты, включенные в дискурс персонажа художественного текста, позволяют оценить такие когнитивные характеристики персонажа, как его память, владение определенным количеством иностранных языков и способность к пониманию высказываний на иностранных языках. Иначе говоря, анализ иноязычных коммуникативных фрагментов, входящих в дискурс персонажа, дает возможность выявить когнитивные характеристики персонажей, влияющие на их коммуникативный потенциал в родном и иноязычном коммуникативном пространстве.

Большинство действующих лиц акунинских романов использует в процессе коммуникации иноязычные коммуникативные фрагменты. Можно предположить, что данные персонажи обладают многоязычным языковым сознанием. С точки зрения Б. М. Гаспарова, «многоязычное языковое сознание представляет собой единый конгломерат языковой памяти, в котором частицы языковой материи, принадлежащие разным языкам, и расходящиеся от них поля ассоциативных связей свободно “плавают”, вступая друг с другом во все новые соположения и образуя все новые конфигурации» [Гаспаров, 1996, с. 112]. Однако коммуникативные фрагменты, извлекаемые персонажами романов Акунина из многоязычного языкового сознания, достаточно разноплановы, что позволяет автору задать, в первую очередь, такую когнитивную характеристику персонажа, как его достаточное / недостаточное владение иностранным языком [Карпухина, 2003]. Так, например, коммуникативной характеристикой Эраста Фандорина является то, что он достаточно хорошо владеет английским языком (например, в романе «Азазель»: *«У вас славное произношение, сэр», – похвалила леди Эстер на том же языке* (Акунин, 2001, с. 109) – *«Your pronunciation is splendid, sir,» Lady Astair praised him in the same language* (Akunin, 2004, p. 44)), коммуникативные фрагменты его дискурса даются в тексте на английском языке с переводом.

Интересно отметить, что автор во многих случаях в романе лишь указывает первой фразой на иноязычное пространство, а сам разговор персонажей передает на русском языке (ср. проанализированную Ю. М. Лотманом сходную ситуацию: «Показательно, что Толстой в “Войне и мире” обильно вводит французский именно для воспроизведения речи русских дворян. Там, где передается речь французов, она, как правило, дается на русском языке. Французский язык в этом случае используется в первых словах как указатель языкового пространства или же там, где надо воспроизвести характерную черту французского мышления» [Лотман, 2000, с. 65]). В акунинском романе «Азазель» интернациональным язы-

ком для разноязыких обитателей России становится уже не французский, а английский, т. е. меняется «единый язык культуры».

При передаче данных коммуникативных фрагментов в переводе романа «Азазель» на английский язык теряется «текст в тексте», с одной стороны, а с другой – исчезает маркированность английского языка как языка межнационального общения, на котором говорят персонажи: – *Третьего отделения чиновник Фандорин, по срочному делу, – строго сказал Эраст Петрович, однако лошадиная физиономия лакея осталась непроницаемой, и пришлось пояснить по-английски: –* ***State police, Inspector Fandorin, on urgent official business*** (Акунин, 2001, с. 283) – *«Fandorin, officer of the Third Section, on urgent business,» Erast Fandorin announced austerely. However, the lackey's equine features remained impassive, and Fandorin was obliged to explain in English. «****State police, Inspector Fandorin, on urgent official business****»* (Akunin, 2004, p. 114).

Вторжение в русский текст романа англоязычных коммуникативных фрагментов может играть роль генератора новых смыслов: Фандорин слышит, как Амалия Бежецкая говорит с Морбидом «на безупречном английском», и делает вывод: *«Шпионка, наверняка шпионка!»* (Акунин, 2001, с. 166). Таким образом, когнитивная характеристика владения иностранным языком, усиливающая коммуникативный потенциал персонажей, позволяет сделать вывод о социальных и «профессиональных» характеристиках действующих лиц. Использование персонажами в дискурсе иноязычных коммуникативных фрагментов (вместе с ироническим авторским комментарием) выявляет и их определенные психологические характеристики. Неуравновешенность и вспыльчивость графа Зурова проявляется в том, что он, с одной стороны, сам хорошо владеет французским (*Граф насмешливо вставил, картавя на истинно парижский манер: «J'en ai le frisson que d'y penser»* (Там же, с. 68)), а с другой стороны, в раздражении говорит собеседникам: *«Извольте-ка не французить! Что, право, за дурацкая привычка втыкать в русскую речь по пол французской фразки»* (Там же, с. 129). Коммуникативные фрагменты французского языка переданы в тексте перевода Бромфильда адекватно.

Б. Акунин находит достаточно удачный способ передачи иноязычных коммуникативных фрагментов в речи персонажей, указывающий на недостаточное владение ими иностранным языком. Этот способ заключается в передаче иноязычных фраз с помощью кириллицы: *«Из полиции, Фандорин. Вы госпожа Пфуль? – неуверенно произнес Эраст Петрович и на всякий случай повторил по-немецки. –* ***Полицайамт. Зинд зи фрейляйн Пфуль? Гутен абенд****»* (Там же, с. 46). Так же точно переданы и две фразы, которыми обходился в Англии Ипполит Зуров. Эта условность при передаче иноязычных коммуникативных фрагментов помогает определить, насколько персонаж владеет тем или иным языком и как меняются его возможности в успешной коммуникации (ср.: *неуверенно произнес Эраст Петрович*).

В переводе текста на английский язык данная стратегия, используемая Акуниным в тексте оригинала, оказывается невозможной для воспроизведения: *«I am from the police. My name is Fandorin. Are you Miss Pfühl?» Erast Fandorin inquired uncertainly, then repeated the question in German just to be sure: «****Polizeiamt. Sind Sie Freilein Pfühl? Guten Abend****»* (Akunin, 2004, p. 18).

Случаи межъязыковой интерференции, чаще всего фонетической («поверхностного, но самого яркого для русского читателя свидетельства принадлежности соответствующей речи инофону» [Караулов, 2002, с. 144]), выступают в тексте романа в качестве дополнительной комической характеристики персонажей (Бланка, фрейлейн Пфуль). Речевая характеристика в данном случае становится еще и психологической: *«Клоун! Пшют гороховый! – прошипела храбрая немка, обнаруживая неплохое знание разговорной русской речи»*. Комический эффект

здесь создается за счет интерференции лексических единиц *пшют* и *шут гороховый*.

В переводе романа «Азазель» на английский язык Эндрю Бромфильд максимально использует особенности фонетической интерференции при передаче речи носителей немецкого языка и практически отказывается от воспроизведения акунинской стратегии обыгрывания лексических и грамматических ошибок в речи инофона, говорящего на русском языке, например: – *Да, я* ***умею понимать чин****, – кивнула немка, показывая пальцем на петлицу его вицмундира. – Итак, господин коллежский регистратор, я вас слушаю* (Акунин, 2001, с. 47) – *«Yes, I know how to understand rank,» the German woman said with a nod, pointing to the lapel of his uniform jacket. «****Zo****, mister collegiate registrar, I am listening»* (Akunin, 2004, p. 19). Лексико-грамматическая ошибка в речи инофона, неправильно использование модального глагола (*я умею понимать чин*) компенсируется в переводе с помощью знака фонетической интерференции (*zo* вместо *so*). Такой же прием макростратегии адаптации применяется в следующем случае: – *Воспитанные баронессы не бегают, а ходят, – с притворной строгостью сказала ей гувернантка. – Особенно если им уже целых* ***земнадцать*** *лет. Если вы не бегаете, а ходите, у вас есть время, чтобы* ***увидеть незнакомый человек*** *и прилично поздороваться* (Акунин, 2001, с. 47) – *«****Vell*** *brought-up young baronesses do not run,* ***zey valk****,» her governess told her with feigned strictness. «****Ezpecially ven zey*** *are all of* ***zeventeen*** *years old. If you do not run but* ***valk****,* ***zen*** *you* ***haf*** *time to notice a stranger and greet him properly»* (Akunin, 2004, p. 19). Фонетическая интерференция наблюдается в тексте оригинала в лексеме *земнадцать*, которая адекватно передана на английский с помощью лексемы *zeventeen*. Однако отсутствие склоняемых форм прилагательного и существительного в косвенном падеже (*увидеть незнакомый человек*) не передается в переводе, а компенсируется массированным введением в текст лексем-маркеров фонетической интерференции английского и немецкого языков (*vell*, *ezpecially*, *ven*, *zey*, *haf*). Таким образом, адаптационная макростратегия компенсации в ситуациях передачи речи инофонов на английском языке заостряет внимание читателей на фонетических результатах интерференции английского и немецкого языков, а не на ошибках в сфере лексики и грамматики, как это происходило в тексте оригинала.

Таким образом, при передаче текста романа «Азазель» на английский язык Эндрю Бромфильд в основном использует лингвоаксиологическую макростратегию адаптации текста (адаптированными оказываются имена собственные и культурно-исторические реалии акунинского текста). В качестве вспомогательной адаптационной стратегии используется стратегия модернизации текста (вместо архаизированных лексических единиц в тексте употреблены нейтральные, относящиеся к современному английскому языку; используются характерные для разговорной английской речи аббревиатуры). В ситуациях фактических ошибок, допущенных Акуниным, переводчик использует прием элиминации текстового фрагмента, обеспечивая читателю текста перевода возможность обращения к точной информации, связанной с культурно-историческими реалиями конца XIX – начала XX в.

Многоязычное коммуникативное пространство романа «Азазель» присутствует и в переводной версии текста, однако иноязычные коммуникативные фрагменты в речи персонажей-инофонов, недостаточно хорошо владеющих языком, передаются Бромфильдом по большей части с признаками фонетической интерференции, тогда как в тексте оригинала они переданы с использованием средств фонетической, лексической и грамматической интерференции. Недостаточное владение персонажами тем или иным языком, передаваемое в русском тексте с помощью иноязычных слов, записанных кириллицей, в английском тексте не передается. Английский язык, на котором говорят многие персонажи романа

«Азазель», не показан в переводе как язык межнационального общения, своего рода *lingua franca* новой эпохи.

Список литературы

Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.

Карасик В. И. Языковое проявление личности. Волгоград, 2014.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2002.

Карпухина В. Н. Моделирование когнитивных характеристик персонажа художественного текста // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2003. Вып. 2, ч. 1. С. 168–172.

Карпухина В. Н. Конструирование лингвистической реальности при смене семиотического кода культуры: Моногр. Барнаул, 2013.

Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000.

Фарино Е. Введение в литературоведение: Учеб. пособие. СПб., 2004.

Федоров А. В. Основы общей теории перевода: Лингвистический очерк. 3-е изд. М.: Высш. шк., 1968. 397 с.

Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб., 2006.

Routledge Encyclopedia of Translation Studies / Ed. by M. Baker. L.; N. Y., 1998.

Список источников

Акунин Б. Азазель. М., 2001.

Akunin B. The Winter Queen: A Novel (Erast Fandorin Mysteries). L.: Phoenix Press, 2004. 250 p.

V. N. Karpukhina

Altai State University, Barnaul, Russian Federation; vkarpuhina@yandex.ru

Key axiological linguistic macrostrategies of the Boris Akunin's «Azazel» translation into English

The article considers axiological linguistic macrostrategies in the translation of the Russian postmodernist fiction text into English. The text under consideration is the novel Azazel by Boris Akunin and its translation into English The Winter Queen by A. Bromfield. The article aims at revealing the key and background macrostrategies of translation investigated in the axiological linguistic aspect. The most effective macrostrategy in Russian fiction text translation into English is adaptation. The bipolarity of this macrostrategy (adaptation/foreigning) is caused either by the source text acculturation into the target language culture or, vice versa, targeting at the «otherness» effect of the source text. Translating Azazel by Boris Akunin into English, A. Bromfield mostly uses the axiological linguistic macrostrategy of adaptation (he adapts proper names and cultural realities of the Boris Akunin's text). The background adaptation strategy used in the translation of Azazel is modernization. In the situations of factual mistakes made by the author A. Bromfield uses the elimination of a text fragment, giving the reader a possibility to get the correct information in cultural and historic realities of the late 19th – early 20th centuries.

Keywords: axiological linguistic macrostrategies, adaptation, modernization, text, translation.

DOI 10.17223/18137083/58/18

References

Eco U. *Skazat' pochti to zhe samoe. Opyty o perevode* [To say almost the same. Essays in translation]. St. Petersburg, Symposium, 2006, 574 p.

Farino E. *Vvedenie v literaturovedenie*: Uchebnoe posobie [Introduction into literary studies: A textbook]. St. Petersburg, Publ. house of Herzen State Pedagogical Univ., 2004, 639 p.

Fedorov A. V. *Osnovy obshchey teorii perevoda: Lingvisticheskiy ocherk. 3-e Izd.* [Basics of theory of translation: A linguistic essay. 3rd ed.]. Moscow, Vysshaya shkola, 1968, 303 p.

Gasparov B. M. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, memory, image. Linguistics of language existence]. Moscow, New Literary Observer, 352 p.

Karasik V. I. *Yazykovoe proyavlenie lichnosti* [Language manifestation of an identity]. Volgograd, Paradigma, 2014, 450 p.

Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian language and Russian linguistic identity]. Moscow, 2002, 264 p.

Karpukhina V. N. *Konstruirovanie lingvisticheskoy real'nosti pri smene semioticheskogo koda kul'tury*: monografiya [Construing of linguistic reality with semiotic cultural code change: monograph]. Barnaul, Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta, 2013, 232 p.

Karpukhina V. N. Modelirovanie kognitivnykh kharakteristik personazha khudozhestvennogo teksta [Modeling of cognitive features of a fiction text character]. In: *Aktual'nye problemy rusistiki* [Topical questions of Russian philology]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Iss. 2, pt 1, 2003, pp. 168–172.

Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB, 704 p.

Routledge Encyclopedia of Translation Studies. M. Baker (Ed.). London; New York, Routledge, 1998, 654 p.

List of sources

Akunin B. *Azazel'* [Azazel]. Moscow, 2001, 335 p.

Akunin B. *The Winter Queen*: *A Novel* (Erast Fandorin Mysteries). London, Phoenix Press, 2004, 250 p.